

ЗНАНИЕ И ПОЭЗИЯ

Передо мной лежит книга И. Ефремова «Великая Дуга». Это сборник повестей и рассказов. Они рисуют пеструю, удивительную жизнь древнего мира...

Я не геолог, не историк, не археолог, не географ. Я преподаватель литературы в школе. Поэтому не берусь говорить о специфике и точности в освещении научных вопросов...

Почитайте, не отворачиваясь... И прощайте то, о чем с уверенностью говорил библиотечкарь. История музейного экспоната — камня берилла, светящегося и прозрачного...

Потом не раз я рекомендовал эту книгу ученикам. Многие прочитали ее, спрашивали: «Что еще, такое же интересное, можно прочитать по истории?..»

Писатель, вставший остро сюжетную, научно-фантастическую тему, должен увлечь читателей не только мастерством в построении коллизий, охватом материала, умением интересно подать его...

Александр Толстой писал: «То, что происходит сейчас в нашей стране, те темпы, которыми все это осуществляется, говорят сами за себя. База для творчества поистине огромна. Отсюда вывод, что есть все предпосылки, сама жизнь их дает для развития научно-фантастического романа».

С. ШПИВОННИК, преподаватель литературы школы № 378 г. Москвы

ГРАЖДАНСКИЙ ДОЛГ ЛИТЕРАТОРА

(ОТКЛИКИ НА СТАТЬЮ)

«Летом 1948 года мне довелось побывать в одной из деревень Велостокского воеводства...»

К началу Отечественной войны строительство укреплённой линии вдоль Буга в основном было закончено, но доты не были вооружены. Гарнизон одного из них, численностью до взвода, 22 июня яростным огнем встретил наступающих гитлеровцев.

Неоднократные атаки гитлеровцев на дот не увенчались успехом: советские воины держали дот «на замке». Войска противника были вынуждены обойти действующую огневую точку, оставив ее у себя в тылу.

Пехотные части, подтянутые сюда, повели настоящую осаду одинокого дота. Но героическому гарнизону уже не чем было защищаться: боеприпасы давно кончились. Враг блокировал молчаливый дот, предложил его гарнизону сдаваться, но получил отказ.

Почти в каждом письме звучит призыв к советским литераторам. — Больше пишите о нашей жизни! Активнее вмешайтесь в жизнь! Помогите людям своим творчеством жить, трудиться, строить коммунистическое общество!

Почему не увековечена память

А. И. Глибова на его родине?

Леонид Иванович Глибов — выдающийся поэт-баснописец второй половины XIX столетия. Народ заслуженно назвал его «украинским Крыловым».

Как ни странно, на его родине нет ничего — ни музея, ни памятника, ни даже мемориальной доски...

Стоит гора високая, А під горою гай...

ИСПАНСКИЙ ГОСТЬ В СМОЛЕНСКЕ

«Дрожь энтузиазма пробегала по спине. Это была одна из тех зарас, которые, волнуя массу, делают их в иные минуты безумными и заставляют кричать что есть сил, сами не зная отчего».

«В комнате запылали послышались проклятия, сопровождаемые шестом схватываемой одежды и стуком тела, поспешно со скользящим с постели».

«Все шло смешанно... говоря комплименты ее красоте и чудотворной силе с бессознательностью винных паров и своих легких, пичных умственных аппаратов».

Все это цитируется по роману Бласко Ибаньеса «Кровь и песок», изданному Смоленским книжным издательством в 1956 году тиражом в сто тысяч.

Не спуская, украсил переводчик роман словесными шедеврами. Ведала старуха жалуется на то, что уже «рубашки нет за душой», доктор Рунд вылетает следующим образом: «Он был маленького роста, с обильным животом, широким лицом».

От имени воинов части, в которой нет непосредственных участников Брестской обороны, В. Бобров просит передать писателю С. Смирнову солдатское спасибо. Воины части просят выдвинуть и 40-й годовщине Октября серию рассказов о выдающихся событиях и истории советского государства и жизни участников этих событий.

Многие читатели высоко оценивают труд писателя С. Смирнова, создавшего на достоверном фактическом материале свою пьесу «Крепость над Бугом» и книгу о Брестской обороне.

У доньи Соль завидный аппетит, и ее возлюбленный Гальярдо «восхитился... благодарством, с которым она удовлетворяла свою потребность насыщения».

Не удивительно, что, удовлетворив «свою потребность насыщения», эта дама «явно сильными ударами в бюст торреро, прикрытый лишь шелковым трико».

Есть в книге и «сензорно-земледельцы», на поверку оказавшиеся земледельцами, и новый дом, который «осветился», вместо того чтобы «освятить», и много других шарлатанских предложений переводчицы.

Такая безответственность корректоров не менее возмутительна, чем деятельность переводчицы, очевидно, смотревшего на роман, «как на доброго друга, которого нужно убить, чтобы поддержать свою славу».

Между тем роман «Кровь и песок» заслуживает лучшей участи, так как является одним из интереснейших в творческом наследии Бласко Ибаньеса, произведения которого не издавались у нас с 30-х годов, хотя и представляют несомненный интерес для читателей.

Н. ТИМОФЕЕВ, ЛЕНИНГРАД

Поль Дирак рассказывает о своих работах

Советский Союз посетил известный английский ученый Поль Дирак — один из основоположников современной теоретической физики.

Свою лекцию ученый посвятил, казалось бы, отвлеченной теме — теории электронов и вакуума. Но интерес слушателей к ней был нетрудно объяснить. Ведь эта проблема является ныне одной из центральных в теоретической физике.

Вопросам теории электронов и вакуума Поль Дирак посвятил всю свою жизнь. За плодотворные исследования он в возрасте тридцати лет, в 1932 году, был признан руководителем кафедрой физики Кембриджского университета — той самой кафедрой, которую Исаак Ньютон, а через год получил Нобелевскую премию.

Заслуги Дирака перед наукой заключаются в развитии взглядов, раскрывающих самые сокровенные тайны материи. Ученый сумел преодолеть ряд трудных физических открытий. Подобно тому, как Менделеев предвидел находку неведомых в его время химических элементов, Дирак предугадывал новые частицы вещества — такие, как позитрон, антипротон.

В лекции, прочитанной в Москве, ученый пояснил основные идеи своих научных воззрений.

— Что такое электрон? — задал он вопрос.

И сам же ответил: электрон есть частица, переносящая электричество. Но тогда могут спросить, — продолжал профессор Дирак, — что же такое электричество? Ответить можно так: электричество есть то, что переносится электронами.

Впрочем, для науки ответы на них не всегда и требуются. Физиков больше интересуют законы движения электронов, сущность их взаимодействия друг с другом.

Профессор Дирак образно сравнил это направление науки с шахматной игрой.

В самом деле, чтобы научиться играть в шахматы, совсем не надо копаться внутри каждой фигуры, исследовать, из чего она сделана. Зато нужно очень тонко разобраться в законах движения шахматных фигур, их взаимодействия.

На первых порах развития науки движение и взаимодействие

каждой частице и проявляется в ее движении. Энергия эта может быть и очень большой и ничтожно малой, почти равной нулю. Это позволяет увидеть существование частиц, обладающих меньшей энергией, которая еще меньше, чем нуль.

Полобные рассуждения вначале выглядели фантазией. В самом деле, как тогда существование «доказано», что никак себя не проявляет? И на чем?

Но Дирак указал способы экспериментальной проверки своей теории. По его идее, при очень сильном воздействии можно перевести частицу из состояния с отрицательной энергией в состояние с положительной энергией. Другими словами, из «пустоты» можно как бы «выбить» обычный электрон! В «пустоте» же тогда останется «дырка».

Как это, на первый взгляд, нелепо звучит: дырка, оставшаяся в пустоте! Но вспомните, что, по Дираку, самой «пустоты» не существует. Дырка получается в бездонном океане электронной отрицательной энергии.

Итак, теория Дирака вела к утверждению: из пустоты можно «выбить» пару частиц — положительный и отрицательный электроны.

Слова было за физиками-экспериментаторами. Вскоре американский ученый Андерсон получил подтверждение теоретического предсказания Дирака. Рождение пары частиц — положительного и отрицательного электронов — удалось зарегистрировать в космических лучах и даже сфотографировать. То был подлинный триумф научной мысли, снискавший Дираку всемирную славу. Положительный электрон получил название позитрона.

Спустя много лет искусственным путем в Беркли (США) удалось получить другую предугаданную ученым частицу — антипротон. И совсем недавно, как сообщал профессор Дирак на лекции, поступило сообщение о получении на том же большом ускорителе еще одной предсказанной им частицы — антинейтрона.

Идеи Дирака, когда-то выглядевшие слишком смелыми и порой парадоксальными, в наши дни вошли во все учебники и труды по теоретической физике. Они помогают человечеству познать глубинные недра материи. Ученый и сейчас продолжает трудиться на избранном им пути. В лекции он говорил о своих последних работах, о трудностях, с которыми встречается его теория.

Г. АНФИЛОВ

О новаторах и бюрократизме

(Продолжение. Начало на 1-й стр.)

скажем: четверть дела, одна восьмая дела! Надо еще оплатить-таки «оформить» изменения, добиться множества бумаг, пройти через десятки заседаний, согласований и т. д.

Изменения, усовершенствования новой машины, достигнутые во время ее постройки, продают тот же тернистый путь утверждения, какой был уже пройден, когда утверждался проект. Это путь ясен и точно охарактеризован в предложениях дирекции и общественных организаций Ижорского завода, направленных в министерство еще полтора года назад в связи с подготовкой прошлого года Всесоюзного совещания по промышленности:

«При существующей системе, как правило, — писали ижорцы, — от разработки конструкторским бюро объектов новой техники до выдачи рабочих чертежей проходит нередко очень много времени, иногда несколько лет. Причиной этому служат многочисленные утверждения проектов министерством и различными другими организациями. Практически эти утверждения не вносят ничего нового и лишь поощряют драгоценное время, нужное для подготовки производства и отработки опытных образцов; кроме того, за этот период времени изделия морально стареют и в мировой технике появляются более совершенные образцы...»

Так каково же конструктору, создающему новую машину, уже потерявшему многие месяцы, а возможно, и годы, на согласование, утверждение, собирание подписей под своим проектом, решиться в процессе доводки машины на повторение этих мытарств, вновь отравиться, как здесь говорят, по большому кругу, по большой лестнице?

Или, может быть, проще, благодаримый не покупается на «забитый» — такое выражение ныне употребляется вместо слова утверждений, — на «забитый» проект, отказываясь от усовершенствований, лишь бы выпустить машину? Вель сойдет и так!

Нет, совет конструктора не позволяет ему это сделать. Но она же, советская

ветского человека, новатора, не позволяет ему вновь терять и терять время на волюнтаризм. В мрачной задумчивости стоит творец новой машины, глядя на «сопротивление» (поставим тут кавычки), размышляя о сопротивлении (без кавычек).

3. Волокита в цифрах

Всегда ли Ижорский завод и, в частности, работающие в его стенах новаторы, рационализаторы, конструкторы страдали в этики тисках бюрократизма?

Конечно, нет. Известный всей стране могучий социалистический завод, на котором в свое время были сконструированы и выпущены первые советские бомбинги, не испытывал, не знал и малой доли той бумажной волокиты, в какой он увязает теперь.

Известно, — на это указывает наш партия, — что происхождение современного бюрократизма было связано с развитием культа личности. В редакционной статье «Проводы» от 8 июля 1956 года об этом говорится так: «На почве культа личности в отдельных звеньях государственного аппарата возникли также чуждые природе советского строя явления, как замазывание недостатков, парадность, бюрократизм...»

С интересными цифрами мы познакоимся на Ижорском заводе. Вот цифры, характеризующие все возрастающий поток бумаг, или, как говорят на заводе, «писанины».

Table with 2 columns: Годы (1946-1955) and Количество бумаг, адресованных заводу, зарегистрированных в архиве «исходящих» (4,525-20,130)

Как правило, каждая бумага требует ответа или в свою очередь является ответом, каждая «входящая» требует соответствующей «исходящей».

Главный конструктор завода, старый ижорец, который раньше не подписывал никаких бумаг, кроме чертежей, теперь

ежедневно затрачивает несколько часов на составление различных вариантов объяснений или, наоборот, вопросов. На столах у руководителей технологических отделов мы неизменно застаем не чертежи, а опять-таки бумаги с банками министерств или других учреждений, требующие пространных ответов. Вместо искусства создавать новую технику, новые машины, вырабатывавшиеся из года в год искусственно — ловкость в переписке и отписке.

Вопросы, которые когда-то решались самым простым образом, в соответствии с законами здравого смысла, постепенно превращались в сложнейшие проблемы.

Возьмем хотя бы приведенный нами случай с электромотором В. Незаконно добытым маленькую белую трубочку. В предвоенные годы на заводах имелась так называемые заводские магазины, то есть склады всяких обиходных мелочей, разных трубок, шпиков, крепежных материалов и уж, конечно, электропринадлежностей. Начальник такого магазина знал завод вдоль и поперек, загода приносил детали, которые вдруг могли понадобиться тому или другому участку производства. Конечно, там нашлась бы и фарфоровая трубочка для электрика В. На худой конец начальник магазина, пользуясь своими правами и ресурсами, приобрел бы ее или, по всей вероятности, десяток таких трубок к следующему дню. Каждый мастер, каждый конструктор, строивший новую машину, имел в кармане книжку требований. Черкнут на листке две строчки, затем распечатать в получении — таковы были все формальности, вся недолга.

Под флагом усиления государственного надзора, контроля этой простой, разумный порядок был отменен. Между деталью, которая нужна новатору, и им самим, между человеком технического творчества и его делом встали многочисленные контролирующие, регулирующие, наблюдающие и прочие инстанции, по существу ничего не создающие, лишь падающие бумагу, безбожно крадущие у творцов новой техники самое драгоценное, что в этом деле требуется, — время.

Именно такого рода изменения произошли в положении конструкторов на Ижорском заводе. Ныне заводские конструкторы-ижорцы — этому трудно поверить, до тем не менее это так, — не проверяют, не строят ни одной новой машины.

Теперь эти занимаются специальные проектные организации, так называемые

центральные конструкторские бюро (ЦКБ), работающие за тридцать земель от завода, главным образом в Москве. Ни одно из этих ЦКБ не имеет своего, хотя бы небольшого экспериментального завода. Авторы новых конструкций приезжают в Колпино на Ижорский завод в командировку, трудятся здесь над постройкой, доводкой опытных, головных образцов и во всяких вопросах, даже мелочных, возникают обращаться в Москву. Разумеется, это плодит «писанину», вызывает немалую потерю времени.

Еще больше времени расхищает «оформление» конструкторского творчества в многочисленных инстанциях. Между конструктором, конструкторским коллективом и его творением вклинились разного рода наблюдатели, контролеры, представители, полномочные, даже целый глав в Министерстве судостроительной промышленности СССР, который руководит деятельностью центральных конструкторских бюро.

А как же быть? Можно ли обойтись без этого?

В предлогах ижорцев, приведенных выше, записано:

«Необходимо установить такой порядок, чтобы при изготовлении опытных и головных образцов окончательное заключение по изменениям конструкции и отклонениям от чертежей предоставлять главному конструктору. В случае спорных вопросов окончательное решение оставить за проектной организацией (главным конструктором), предоставив ей полную ответственность».

Ижорцы охотно ссылаются на опыт передовых отраслей нашей индустрии.

4. Предложения конструктора

Мы решили обратиться к одному из крупнейших конструкторов. Изложим нашу беседу в виде вопросов и ответов.

Вопрос. Скажите, каковы должны быть, по-вашему, обязанности и права советского конструктора?

Ответ. Это обязанности и права хозяина. Я считаю, что конструктор должен иметь свой завод, разумеется, социалистический, принадлежащий государству, который называется: «Экспериментальный завод конструктора такого-то». Там он хозяин.

Вопрос. А директор?

Ответ. Его подчиненный.

Вопрос. Как вы создаете свои новые вещи? Что является для вас топливом?

Ответ. Я получаю задания. Но не в виде приказа. Меня спрашивают: «Возьмется ли вы? По душе ли вам это задание?».

Предположим, я берусь. Но долго не приступаю к работе, не сажусь за чертежную доску. Постепенно в мыслях что-то вырисовывается, уже вижу голову и хвост. Уже понимаю, что в задании такой-то пункт несуразный. Что же, вывешивая из-за этого в словесную или бумажную войну? Или, может быть, лучше доказать самой вещью, образцом? Обычно выбираю именно этот путь. Начинаю советоваться с товарищами, с самыми ближайшими помощниками. Потом мы забираемся, и появляются первые карандашные наброски, нередко весьма еретические, с точки зрения некоторых пропущен, принятых в данный момент в технике. Случается, что образец отвечает заданию, но он хорош. Что тогда в угоду буквы выполнить задание и получить плохую вещь? Тут уж приходится идти на риск, класть голову. Постепенно в работу включается весь коллектив завода. Представитель заказчика, конечно, поднимает шум: «Вы делаете бог знает что, это не то, что мы у вас просили». Ничего, выдерживаем этот натиск.

5. Да, в четыре-пять раз!

Думается, читатель после всего сказанного не усомнится, что боявая, революционная задача, поставленная нашим правительством, — сократить в четыре-пять раз сроки создания новых машин, новых конструкций — выражает чаяния всех до единого новаторов, изобретателей, рационализаторов, является глубоко жизненной, назревшей, вполне осуществимой.

Ключ к решению содержится в призыве партии: «Решительно искоренять бюрократизм...» (Отчетный доклад ЦК XX съезду партии).

Разумеется, на этом пути придется встретить сопротивление, — недаром мы о нем, о сопротивлении без кавычек, выше говорили. Бюрократизм — это не только порядки, это люди, держащиеся за эти порядки, заинтересованные в их сохранении.

Например, как это ни удивительно, но в системе Министерства судостроительной промышленности СССР установилось правило: чем дальше конструктор стоит от производства, от завода, тем выше его заработная плата. Сообщим следующие цифры: старший инженер-конструктор получает на заводе 1100 рублей в месяц, в московском ЦКБ — 1.400 рублей, в главке — до 2.000 рублей. Начальник сектора (бюро) получает на заводе 1.200 рублей в месяц, в ЦКБ — 1.800, в главке — от 2.300 до 4.000 рублей. При этом надо иметь в виду, что конструкторы, которые служат в главке, ничего не конструируют, не создают, а лишь обсуждают проекты, заседают, пишут заключения. Нет сомнения, что коренной ломке подвернется и эта странная, поощряющая отрыв от производства и канцелярищину, вредоносная для развития новой техники оплата труда конструкторов.

Народ нашей социалистической страны издавна уважает знание изобретателя, новатора техники, конструктора новых машин. Ныне партия поднимает это уважение еще выше. В этом залог того, что задача ускорения в ряде отраслей промышленности темпов создания новой техники в четыре-пять раз будет успешно и осязательно решена.

— Что это такое? Немыслимая вещь, немыслимые сложные узлы.

— И получает ответ!

— Идите и делайте!

Вопрос. Скажите, значит, можно освободить конструктора от бюрократических путей?

— Да, конечно!

Вопрос. Скажите, значит, можно освободить конструктора от бюрократических путей?

— Да, конечно!

Вопрос. Скажите, значит, можно освободить конструктора от бюрократических путей?

— Да, конечно!

Вопрос. Скажите, значит, можно освободить конструктора от бюрократических путей?

— Да, конечно!

Творчество против догмы

А. ЯКИМЕНКО

В последние годы и особенно после XX съезда КПСС многое в нашей жизни переменялось, пришло в движение. Не только заметно возросло в людях чувство собственного достоинства, гордость осознание своих прав и возможностей, но и связанное с этим глубоко личное, выстраданное понимание своей ответственности за судьбу великого исторического дела, доверенного нам временем. Поэтому с такой болезненной резкостью воспринимаются многие недостатки, подвергаются такой сокрушающей критике неадекватно и попросту неумные руководители, нерадивые работники... Многие заново проверяется великая и требовательная мера народного мнения.

Когда появились очерки В. Овечкина «Районные будни», «На переднем крае» и другие, они сразу же привлекли к себе общее внимание. И я имею в виду не только часто литературный успех, — очерки В. Овечкина сразу же вторгались в жизнь, вмешивались в борьбу, помогая и обидя одних и обличая, нанося удары по другим. Их партийная непримиримость, критическая направленность, вера во всеокрушающую силу творческого дерзания, смелые поиски и решенный соответствовали самому духу времени.

И вот теперь в «Новом мире» опубликовано завершение работы писателя, которая стала своеобразной летописью нашей жизни. Пусть в этой летописи кое-что сделано насмех, намешано на живую нитку, — она все в современности, в сегодняшнем дне. И вряд ли останется равнодушным хоть один человек, который прогрузится в кипучий мир борьбы, мир трудных раздумий, поисков, острых конфликтов, словом, в тот мир действительной жизни с ее горестями и радостями, в котором живут герои очерковой повести В. Овечкина.

В. Овечкина-писателя, по-видимому, занимает прежде всего вопрос об условиях, которые в полной мере откроют дорогу народной инициативе, творческим решениям, о тех людях-руководителях, от которых в определенной мере зависит создание таких условий. Поэтому проблема политического руководства, как она выражена в отношениях между людьми нашей сегодняшней действительности, становится определяющей для очерков Овечкина.

Что из того, что действие их редко выходит за пределы МТС, районного центра, но ведь многое, о чем повествует писатель, прикладывалось и к жизни завода, научно-исследовательского учреждения...

В очерках В. Овечкина сталкиваются в непримиримой борьбе люди различного отношения к жизни, различного понимания своего гражданского и партийного долга, своих служебных обязанностей. С одной стороны, — «бунтующий», весь в непрестанных поисках, с полнейшей государственной полетом смелой мысли Мартынов и близкий ему по духу, но крепче по практической хватке, богаче по жизненному опыту Долгушин и примыкающие к ним Опенкин, Руденко и многие другие мужественные, дерзающие люди, а с другой — Борзов, Масленников, Медведев.

Мартынов — весьма примечательная фигура в литературе последних лет. В. Овечкин верно схватил и выразил в нем тот тип знающего, умного, образованного партийного и государственного работника, который получает все большее распространение. В людях этого типа есть та широта интересов, смелость раздумий, та увлеченность своим делом, доброжелательность и человечность, которые так привлекательны в Мартынове.

Мартынов запомнился, пришлось по сердцу слово колхозного агронома комсомольца Шорина: «Своей ответственностью за судьбу Родины, революции, социализма я равен любому, самому высочайшему авторитету — равница в возрасте и масштабах работы особого значения здесь не имеет».

Пусть в этих словах есть некоторая доля молодой заносчивости, не испытывавшей своих сил в жизненных потрясениях, но готовность взять на себя самую тяжкую долю ответственности, глубокое понимание своих гражданских обязанностей придают им особый смысл и высокое значение.

И Мартынов не случайно с таким вниманием отнесся к «дерзким» словам молодого агронома, а Долгушин, присмотревшись, смело выдвинул на ответственную работу в МТС, — они угадали в нем человека той породы, для которой народное дело, как свое кровное.

Они смелы и решительны, эти люди, хотя и приходится им нередко преодолевать весьма «крутые горки». Долгушин, казалось, занялся не своим прямым делом, когда вмешался в дела колхоза «Рассвет», где пьяницы и воры, окованные у руководства, довели хозяйство до полного разорения. Больше того, он знал, какие выгоды прозябли ему, когда он самочинно созвал колхозное собрание, на котором был снят инкутивший председатель Бывалых. На открытом собрании исключили из партии негодные коммунисты, освободился от работы секретарь колхозной парторганизации. Это были крайние меры, но в тех условиях, накалив сев, при равнодушии райкома Долгушин не видел иных средств.

Можно спорить с ним, но зарываться в этом пожимом человеке юношеская чистота чувств, страстная нетерпимость к злу и произволу, увлеченность глубоко партийным делом — заботой о людях.

Подлинным открытием Овечкина явилось изображение и объяснение того, что по имени одного из героев очерков стало называться в обиходе «борзовщиной». Не случайно в очерках после Борзова одна за другой появились весьма сходные по своей сути, по тенденции, которую они выражали, фигуры Медведева и Масленникова. Писатель этим как бы показывал, насколько глубоко это «борзовщина» проникло в жизнь, какой опасной мертвой накипью осело оно на стенах сосудов живого организма народной жизни.

«Борзовщина» как определенное явление могла развиваться до такой степени лишь в условиях культа личности.

«На меня стучали кулаками, и я стучал; на меня давили, и я давил», — так определял сам Борзов принцип, которым он руководствовался, будучи секретарем райкома.

Творчество против догмы

В последние годы и особенно после XX съезда КПСС многое в нашей жизни переменялось, пришло в движение. Не только заметно возросло в людях чувство собственного достоинства, гордость осознание своих прав и возможностей, но и связанное с этим глубоко личное, выстраданное понимание своей ответственности за судьбу великого исторического дела, доверенного нам временем. Поэтому с такой болезненной резкостью воспринимаются многие недостатки, подвергаются такой сокрушающей критике неадекватно и попросту неумные руководители, нерадивые работники... Многие заново проверяется великая и требовательная мера народного мнения.

В. Овечкина-писателя, по-видимому, занимает прежде всего вопрос об условиях, которые в полной мере откроют дорогу народной инициативе, творческим решениям, о тех людях-руководителях, от которых в определенной мере зависит создание таких условий. Поэтому проблема политического руководства, как она выражена в отношениях между людьми нашей сегодняшней действительности, становится определяющей для очерков Овечкина.

Что из того, что действие их редко выходит за пределы МТС, районного центра, но ведь многое, о чем повествует писатель, прикладывалось и к жизни завода, научно-исследовательского учреждения... В очерках В. Овечкина сталкиваются в непримиримой борьбе люди различного отношения к жизни, различного понимания своего гражданского и партийного долга, своих служебных обязанностей. С одной стороны, — «бунтующий», весь в непрестанных поисках, с полнейшей государственной полетом смелой мысли Мартынов и близкий ему по духу, но крепче по практической хватке, богаче по жизненному опыту Долгушин и примыкающие к ним Опенкин, Руденко и многие другие мужественные, дерзающие люди, а с другой — Борзов, Масленников, Медведев.

Мартынов — весьма примечательная фигура в литературе последних лет. В. Овечкин верно схватил и выразил в нем тот тип знающего, умного, образованного партийного и государственного работника, который получает все большее распространение. В людях этого типа есть та широта интересов, смелость раздумий, та увлеченность своим делом, доброжелательность и человечность, которые так привлекательны в Мартынове.

Мартынов запомнился, пришлось по сердцу слово колхозного агронома комсомольца Шорина: «Своей ответственностью за судьбу Родины, революции, социализма я равен любому, самому высочайшему авторитету — равница в возрасте и масштабах работы особого значения здесь не имеет».

Пусть в этих словах есть некоторая доля молодой заносчивости, не испытывавшей своих сил в жизненных потрясениях, но готовность взять на себя самую тяжкую долю ответственности, глубокое понимание своих гражданских обязанностей придают им особый смысл и высокое значение.

И Мартынов не случайно с таким вниманием отнесся к «дерзким» словам молодого агронома, а Долгушин, присмотревшись, смело выдвинул на ответственную работу в МТС, — они угадали в нем человека той породы, для которой народное дело, как свое кровное.

Они смелы и решительны, эти люди, хотя и приходится им нередко преодолевать весьма «крутые горки». Долгушин, казалось, занялся не своим прямым делом, когда вмешался в дела колхоза «Рассвет», где пьяницы и воры, окованные у руководства, довели хозяйство до полного разорения. Больше того, он знал, какие выгоды прозябли ему, когда он самочинно созвал колхозное собрание, на котором был снят инкутивший председатель Бывалых. На открытом собрании исключили из партии негодные коммунисты, освободился от работы секретарь колхозной парторганизации. Это были крайние меры, но в тех условиях, накалив сев, при равнодушии райкома Долгушин не видел иных средств.

Можно спорить с ним, но зарываться в этом пожимом человеке юношеская чистота чувств, страстная нетерпимость к злу и произволу, увлеченность глубоко партийным делом — заботой о людях.

Подлинным открытием Овечкина явилось изображение и объяснение того, что по имени одного из героев очерков стало называться в обиходе «борзовщиной». Не случайно в очерках после Борзова одна за другой появились весьма сходные по своей сути, по тенденции, которую они выражали, фигуры Медведева и Масленникова. Писатель этим как бы показывал, насколько глубоко это «борзовщина» проникло в жизнь, какой опасной мертвой накипью осело оно на стенах сосудов живого организма народной жизни.

«Борзовщина» как определенное явление могла развиваться до такой степени лишь в условиях культа личности.

«На меня стучали кулаками, и я стучал; на меня давили, и я давил», — так определял сам Борзов принцип, которым он руководствовался, будучи секретарем райкома.

В. Овечкина-писателя, по-видимому, занимает прежде всего вопрос об условиях, которые в полной мере откроют дорогу народной инициативе, творческим решениям, о тех людях-руководителях, от которых в определенной мере зависит создание таких условий. Поэтому проблема политического руководства, как она выражена в отношениях между людьми нашей сегодняшней действительности, становится определяющей для очерков Овечкина.

Что из того, что действие их редко выходит за пределы МТС, районного центра, но ведь многое, о чем повествует писатель, прикладывалось и к жизни завода, научно-исследовательского учреждения... В очерках В. Овечкина сталкиваются в непримиримой борьбе люди различного отношения к жизни, различного понимания своего гражданского и партийного долга, своих служебных обязанностей. С одной стороны, — «бунтующий», весь в непрестанных поисках, с полнейшей государственной полетом смелой мысли Мартынов и близкий ему по духу, но крепче по практической хватке, богаче по жизненному опыту Долгушин и примыкающие к ним Опенкин, Руденко и многие другие мужественные, дерзающие люди, а с другой — Борзов, Масленников, Медведев.

Мартынов — весьма примечательная фигура в литературе последних лет. В. Овечкин верно схватил и выразил в нем тот тип знающего, умного, образованного партийного и государственного работника, который получает все большее распространение. В людях этого типа есть та широта интересов, смелость раздумий, та увлеченность своим делом, доброжелательность и человечность, которые так привлекательны в Мартынове.

Мартынов запомнился, пришлось по сердцу слово колхозного агронома комсомольца Шорина: «Своей ответственностью за судьбу Родины, революции, социализма я равен любому, самому высочайшему авторитету — равница в возрасте и масштабах работы особого значения здесь не имеет».

Пусть в этих словах есть некоторая доля молодой заносчивости, не испытывавшей своих сил в жизненных потрясениях, но готовность взять на себя самую тяжкую долю ответственности, глубокое понимание своих гражданских обязанностей придают им особый смысл и высокое значение.

И Мартынов не случайно с таким вниманием отнесся к «дерзким» словам молодого агронома, а Долгушин, присмотревшись, смело выдвинул на ответственную работу в МТС, — они угадали в нем человека той породы, для которой народное дело, как свое кровное.

Они смелы и решительны, эти люди, хотя и приходится им нередко преодолевать весьма «крутые горки». Долгушин, казалось, занялся не своим прямым делом, когда вмешался в дела колхоза «Рассвет», где пьяницы и воры, окованные у руководства, довели хозяйство до полного разорения. Больше того, он знал, какие выгоды прозябли ему, когда он самочинно созвал колхозное собрание, на котором был снят инкутивший председатель Бывалых. На открытом собрании исключили из партии негодные коммунисты, освободился от работы секретарь колхозной парторганизации. Это были крайние меры, но в тех условиях, накалив сев, при равнодушии райкома Долгушин не видел иных средств.

Можно спорить с ним, но зарываться в этом пожимом человеке юношеская чистота чувств, страстная нетерпимость к злу и произволу, увлеченность глубоко партийным делом — заботой о людях.

Подлинным открытием Овечкина явилось изображение и объяснение того, что по имени одного из героев очерков стало называться в обиходе «борзовщиной». Не случайно в очерках после Борзова одна за другой появились весьма сходные по своей сути, по тенденции, которую они выражали, фигуры Медведева и Масленникова. Писатель этим как бы показывал, насколько глубоко это «борзовщина» проникло в жизнь, какой опасной мертвой накипью осело оно на стенах сосудов живого организма народной жизни.

«Борзовщина» как определенное явление могла развиваться до такой степени лишь в условиях культа личности.

В этот постоянный практический процесс составляет одну из важнейших особенностей творческой работы В. Овечкина. Он ставит вопросы общества и в значимые, важные для всех нас, и предлагает свои решения, пусть не всегда беспоспешные, но обоснованные фактами и доказательствами самой жизни.

В одних только записках Мартынова, которые вел он в больнице, поднят столь много острого и наиболее (от предложенной изменить существующую систему хлебозаготовок до молодежной проблемы), что сами по себе они должны были бы стать предметом разбора и внимательного изучения. Мне довелось этим летом подолгу и откровенно беседовать с работниками одного сельского райкома партии, и потом, когда я читал в «Трудовой весне» заметки Мартынова, меня поразили общность взглядов и многочисленные точки соприкосновения по насущнейшим вопросам. По-видимому, многое из того, о чем писал Мартынов, действительно назрело и должно было обязательно решаться.

В своих очерках Овечкин стремится выразить публицистическую мысль художественными средствами. Может быть, поэтому ему удалось показать политическую работу, поиски новых методов руководства, как поэтическое в жизни, и через злободневное, сегодняшнее выразить черты эпохи.

Одной из излюбленных форм раскрытия характеров становится в очерках диалог. Как правило, герои в своих разговорах редко выходят из сферы практической жизни. Но как великолепно раскрываются в диалогах Борзов и Мартынов, Долгушин и Масленников, Мартынов и Масленников! Конечно же, в напряженном споре, когда сталкиваются различные точки зрения, легче нащупываются истины, взвешиваются все «за» и «против», что так важно для очерков Овечкина, насыщенных, словно грозными зарями, нерешенными вопросами сегодняшнего дня. Но в подходе к решению вопроса, в способе мыслить и спорить наиболее полно открываются и творческое беспокойство Мартынова, его стремление сломать штампы и догмы, и бездарность и чиновничья сущность Масленникова, и т. д. Это есть определенные и весьма важные черты характеров.

Искусство индивидуализации в очерке не просто. Сама природа очерка требует от писателя большей сосредоточенности на фактах и явлениях самой действительности. И подлинной победой Овечкина-очеркиста стали характеры Мартынова и Долгушина, раскрытые, главным образом, в их производственной деятельности. В частности, превосходство с подлинной эволюционностью использована «деловая» биография Мартынова для объяснения многих черт его характера. Факты прошлой жизни способствуют познанию человека, они не только рассказывают о нем, но и вносят тот особый оттенок индивидуального, который является важнейшим условием достоверного и художественного.

Все шире использует Овечкин и быт для создания характеров. Причем не только тот специфический быт деловой жизни, в которой преимущественно вращаются его герои, но и те интимные стороны жизни, которые так важны, например, в романе.

Одной из лучших в этом смысле является сцена Марии Сергеевны Боровой и Холдова в степи, когда этот незадачливый провинциальный дождик, претендующий на роль партийного руководителя, раскрывается куда глубже и полнее в своей пошлости и ничтожности, чем во время холмогорских подкапываний Масленникову в «деловом» разговоре. Но здесь художника иногда постигают и прямые неудачи.

Совсем «не заучула» семейная жизнь Мартынова, хотя показан он дома чуть ли не «в пижаме», в беседах с женой, в разговорах с сыном. Последняя же, заключительная глава повести производит впечатление просто нарочитой «беллетризации». Она интимна по своему содержанию, но мы не ощущаем этого прежде всего потому, что не получившая здесь того Мартынова, которого успели узнать и полюбить. Он не просто холоден и сдержан, а бесчувственно вад. Душевыми движениями самой Надежды Кирилловны здесь также не хватает того тонкого оттенка индивидуальности, который единственно может способствовать созданию живой картины.

Ну, в самом деле, кто бы «горестно» не воскликнул, узнав о предполагаемом переходе из побывавшего Троицка в Грязновку: «Опять подем?». При виде красивой остротой подумала Надежда Кирилловна о степной бесприютности Грязновки и «запалаала» по исконной женской слабости. Затем вспомнил, что мужа не переводили, а он сам, по своему благородству, уступал здесь место другому, более достойному, она говорит: «Сколько в тебе еще сил, Петр! Ты, вероятно, никогда не устанешь. Ты совсем не меняешься. У тебя та же душа, что и была, когда я впервые тебя узнала... Живя и делая все так, как тебе велит твоя совесть».

Но слишком ли это безделье, трафаретное?

Закрывает последние страницы очерковой повести В. Овечкина. Перед нами прошло множество людей; одни лишь мелькнули, другие же надолго привлекли наше внимание. Но и те и другие вольноносли нас действительной глубиной и правдой своей судьбы. Вспомните хотя бы драму Дорохова, которая сама по себе могла бы составить сюжет большого произведения; вспомните горести и радости бывшей трактористки Мани Громовай, обретшей себя после разрыва с мужем, Борзовым. А жизнь Егора Трапезникова, бывшего пастуха, участника гражданской войны, а затем стажателя и инженера, вступившего в колхоз (некуда было податься), в партию, ставшего в военные годы председателем колхоза; он-то и довел до страшной беды колхоз «Рассвет». Сколько в этой истории психологических находок, пленяющих своей достоверностью, к тому же весьма важных для понимания некоторых отрицательных явлений в нашей послевоенной жизни.

...Думаешь о людях, изображенных В. Овечкиным, о той жизни, которая прошла перед нашим взором, о «больших» вопросах, и поднимается желание делом помочь тем, кто возбудил нашу симпатию и любовь.

ДНЕВНИК ИСКУССТВ

Трагедия Райниса на сцене

Сложнейшая проблема — постановка в театре глубоких философских трагедий, драматических поэм, таких, как «Манфред» Байрона, «Фауст» Гёте, «Натан Мудрый» Лессинга и т. п. Как добиться того, чтобы образный мир, созданный фантазией великих поэтов, не приходил в противоречие с аляповатостью театральной буффонии, чтобы возвышенность романтических чувств не обернулась холодным актерским фарфосом, а глубина философской мысли не пропала бы за банальными приемами декламации?

Как сохранить в спектакле поэтический размах и общезначимость и в то же время избежать холода сценических абстракций?

Все эти вопросы и трудности стояли перед Академическим театром драмы Латвийской ССР, взявшимся за постановку философской трагедии Райниса «Иосиф и его братья».

Великая любовь к человеку, мечта о братстве и мире среди людей вдохновили поэта на создание замечательного, своеобразного произведения. Сердце библейского Иосифа — юноши древней легенды, полное любви к людям, потом раненное жестокой обидой, вспыхнувшее огнем гнева и, наконец, окрепшее в стремлении снова и снова искать на земле справедливости и добро, оживает в трагедии Райниса. Слушая монолог Иосифа, мы испытываем возмущающее чувство, которое переживается всегда, сталкиваясь с полетом человеческой мысли, неустанно ищущей путей к счастью, к светлому миру торжествующей человечности.

И вот спектакль. В программе написано — действие I и II актов происходит в Ханаане, III — IV

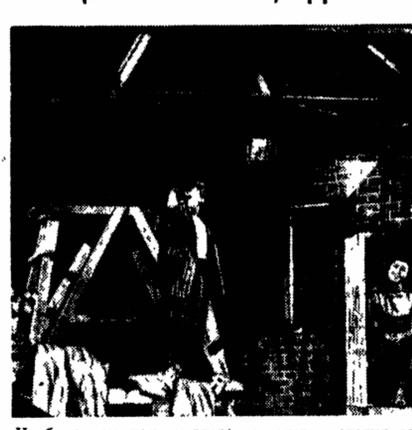
Сцена из спектакля

актов в Египте. Глядя на сцену, видишь, что она и была такой, эта древняя земля ханаанская, вся в уступах острого скала, ослепленная солнцем.

Верши мудрости и скорби старого Иакова (К. Клетинен), столь одинокого среди сыновей, словно созерцающего своим внутренним взором вереницу давно прошедших лет. Верши глухой и светлой задушевности Иосифа — Ж. Катлала, могучего и тихого, как ребенок. (В спектакле, который был показан в Москве, роль юного Иосифа трепетно и искренне играл молодой актер Ю. Бебринс). Верши, что мучительным усилием воли сдерживают братья свою клокочущую ярость против Иосифа, любимца отца.

Одиннадцать актеров, чьи имена должны быть перечислены (З. Зиле, А. Виденен, П. Пуринь, Л. Бар, П. Шелпуринек, К. Себрис, О. Палконис, В. Грусинь, К. Страндер, Р. Зандерсон, В. Яман), образуют удивительно слит-

«Три соловья, д. 17»

Необычен не только этот адрес, ставший названием спектакля

Необычен не только этот адрес, ставший названием спектакля Ленинградского театра имени Ленинского комсомола. Попа на улицу Трех соловьев, мы становимся свидетелями многих странных происшествий. Еще только возводятся кирпичные стены нового дома, в нем нет ни окон, ни дверей, а в «квартиру» уже вселяется жилец: деловито осматривает будущие апартаменты, обмеряет широкими шагами свою жилищную площадь, довольный, располагается на привезенной кушетке. «Хорошо, когда у человека есть крыша над головой», — произносит он, мечтательно глядя в... ярко-голубое небо.

С веселым озорством, непринужденностью поставлен спектакль «Три соловья» режиссером И. Владимировым. В пьесе Драгутина Добриничина (перевод с сербского Н. Цветинич и В. Зайцева) он увидел возможность для живого комедийного представления, где и режиссерская выдумка, и актерская изобретательность, и работа художника и композитора направлены на то, чтобы втянуть зрителя в веселую театральную игру, в которой должно быть одинаково интересно участвовать и находящимся на сцене и сидящим в зале. Эта легкость в общении со зрителем, стремление к полной свободе в актерском исполнении, отнюдь не выделенности импонируют публике.

В спектакле ленинградцев наиболее удачны те сцены,

НА СНИМКЕ: сцена из 2-го действия. Фото Л. Портева

Народная опера

Далеко на востоке от Алма-Аты тянется горный хребет Кетмень, один из отрогов Тянь-Шаня. Издали Кетмень всегда кажется унылым и однообразным, но подойдя ближе — и перед тобой раскрывается красота его. Среди небрежно разбросанных скал гордо высится утес Алуитас, издавна считавшийся священным. Свежесте жесть восточных родников — плетит крикнет горластый кеклик, запоем невидимая птица...

Здесь, в каменной степи, лежащей между Кетменем и рекой Или, с давних времен живут уйгуры. Тяжелая была жизнь этого маленького народа в царской России. Кетменем приходилось отволакивать себе кусок земли у скал, — так и остался за ними название Кетмень в память о тяжелом прошлом народа.

В расщелинах скал, лежащих у восточного подножья Кетменя, есть вход в глубокую пещеру. Старини утверждают, что в середине

прошлого столетия эта пещера служила убежищем для легендарной героини уйгурского народа Назугум, возмужавшей народно-освободительное движение.

Совсем иной жизнью жил уйгурский народ после Великой Октябрьской революции. Возросла и окрепла его культура. Но народ никогда не забывает о своем прошлом. Живет в их сердцах образ бесстрашной, свободной Назугум.

О ней и написана первая уйгурская опера, поставленная в Казахском академическом театре оперы и балета имени Абая (музыкальный руководитель спектакля — дирижер Г. Душев). Композитор К. Кужамьяров и поэт К. Хасанов, написавший либретто оперы, создали волнующий рассказ о народной героине.

«Назугум» кладет начало истории оперного искусства уйгурского народа. Композитор К. Кужамьяров сумел правдиво обрисовать жизнь народа в прошлом и создать музыкальную драму, в которой личные страдания Назугум и ее любовь тесно связаны с судьбой народа. Умело используются композитором народные мелодии и песни. Хорошо, слаженно поет хор (хормейстеры Р. Галимзянова и П. Окрушко).

В третьем действии оперы, в сцене, где в пещере Кетменских гор укрываются от погони Назугум и Бани — народный вождь, возлюбленный Назугум, — звучит выразительная народная песня. Она получает сложное символическое развитие и в финале становится суровой и решительной песней народо-повстанца.

Молодая певица Роза Джаманова создала поэтический образ Назугум. Но ее Назугум порой слишком мягкая. А ведь Назугум была еще и бесстрашной, волевой. В исполнении Джамановой этому образу не хватает мужества, твердости характера. Артист А. Умбетбаев, исполняющий роль Бани, владеет порой в поэстерство, что еще усугубляется примитивным решением некоторых сцен режиссером-постановщиком К. Джандарбековым.

Думается, что в дальнейшей работе над спектаклем эти недостатки будут устранены. Но уже сегодня можно с радостью отметить, что первая национально-самобытная уйгурская опера создана и она вызвала большой интерес слушателей.

А. АЛИМЖАНОВ

Неделя итальянского кино

Радушно встречали вчера москвичи итальянских гостей

Радушно встречали вчера москвичи итальянских гостей — кинорежиссеров, актеров, руководителей кинофирм, прибывших в столицу на Неделю итальянского кино. В Московском доме кино, где состоялось торжественное открытие недели, собрались горячо приветствовали киноработники Италии, многие из которых хорошо известны нашим зрителем по фильмам, демонстрировавшимся в Советском Союзе.

В течение недели будет показано семь итальянских художественных картин, среди которых

«Машинист» Пьетро Джерми, «Умберто Д.» Де Сика, «Дорога» Феллини и несколько видеороликов короткометражных фильмов. Помимо них, в Московском доме кино будет демонстрироваться еще несколько художественных кинофильмов, которые дадут творческим работникам более полное представление о развитии итальянского кино в последние десятилетия. В числе картин — «Пара шагов в облаках» Велазетти, «Без пощады» Латтуада, «Процесс против города» Дзампа. Со-

одатели этих фильмов — члены делегации. В фильме «Процесс против города» киноработники вновь увидят прибывшую в Москву популярную итальянскую киноактрису Сильвану Пампанини — исполняющую главную роль в картине «Утраченные грезы» Де Сантиса.

НА СНИМКЕ: слева — встреча Сильваны Пампанини с Валентином Картеза, Клешиа Матани. Динио Черри на платформе Веллорусского вокзала. Фото И. Галанова

Сейчас в Советском Союзе гостит группа египетских писателей. Среди них Абдеррахман Аш-Шаркауи, который в прошлом был редактором «Литературной газеты»...

В ПОСЛЕДНИЕ годы ничто так не воспламеняло чувств египетского народа, как национализация Суэцкого канала. Это случилось потому, что Суэцкий канал был издавна как бы чуждой душой каждого египтянина...

III. По городу Лондону

1. Время с весны по август называется в Англии «сезоном». Это — пора наводнения Британских островов иностранцами...

Но в этом сезоне, незаметно для иностранцев, прозвучала над праздничной толпой Англии совсем не музыкальная нота...

Всякий раз, когда в Египте поднималась волна национальной борьбы, одной из целей движения было очистить зону канала от оккупационных войск...

Канал по праву принадлежит Египту, и это право защищает каждый египтянин, как он защищает свой дом, жену и детей...

Египетский народ, а вместе с ним и все арабские народы будут защищать канал во имя любви к человеку, во имя жизни, во имя стремления к лучшему будущему...

Абдеррахман АШ-ШАРКАУИ
НА СНИМКЕ: Абдеррахман Аш-Шаркауи (в центре) беседует с москвичами...

блями. Улицы тогда вообще станут не проезжими? Не оттого, что машины загрохотают их в движение, а оттого, что улицы — артерии города — превратятся в стоянки, в склеротические узлы...

Мариэтта ШАГИНИЯ

Третьего августа английские газеты писали о частном собрании в Бирмингеме под председательством епископа, где решено было обратиться «биг бил» — громкий призыв — к частным лицам и организациям...

Впрочем, в эти же дни я была свидетельницей новых противоречий. Продающиеся дома — и как дома, с парками, лесами, озерами, картинными галереями предков...

Иностранец, приехавший провести «сезон» в Англии, не чувствует всех этих противоречий. Редко, редко когда жизнь движется из до него в простую фразу...

Шесть пенсов — полпиннинга — это реальная сумма в английском трудовом бюджете.

2. Очень давно в каком-то романе я прочитала о странном английском путешественнике, затосковавшем на чужбине...

И вот я на Пикадилли, когда еще не потемнело небо над Лондоном. Лоджик, на который здесь никто не обращает внимания, не падают, а стоят в воздухе тысячами бисеринкой, словно пыль...

Если судить по тому, что сами англичане говорят и пишут о своем театре, он вот уже 20 лет как «деградирует». Заглянув в еженедельный журнал, где коротко, в двух строчках, рассказывается о содержании идущих пьес...

жуд наследства от старого папаша, упустил самое ценное; «Ночь четырех» — слышишь находки на месте убийства кровавые отпечатки собственных пальцев; «Миле-ловка» Агаты Кристи — о сумасшедшем, забравшемся под видом сыщика в одинокую гостиницу во время снежных заносов...

Не считая ни Королевской оперы (Ковент-Гарден); ни заезжих гастролеров; не считая и близлежащих театров в Кройленде, Уимборде, Ричмонде и прочих городках-пригородах...

Как только вы входите (часто — спускаетесь вниз по ступенькам) в первый попавшийся вам театр, вас встречает особый мир, совсем не похожий на наш. Никто не требует, чтобы вы сняли пальто, — хотите, идите в раздевалку — снять, хотите, сверните его и суньте себе под кресло. Никто не отбирает у вас портфель, если случится вам прихватить их с собой...

Но вот раздвигается занавес. В противоположность покою и красоте, в которых вы как бы тонете на два часа спиной и локтями в комфорте и роскоши театрального зала...

Сяду актерского мастерства можно было увидеть на таком примере. В «Пикадилли» много месяцев подряд с успехом шла комедия «русского лондонца» (из второго поколения эмиграции) Петра Устинова...

Сиди актерского мастерства можно было увидеть на таком примере. В «Пикадилли» много месяцев подряд с успехом шла комедия «русского лондонца» (из второго поколения эмиграции) Петра Устинова...

риканского посла Джульетту (жильничку верхней комнаты с балконом) вопреки разнице мировоззрений и общественной структуры. В столице маленького государства созданы все условия, чтобы в нем не было скучно...

Кроме комедийных театров (их большинство), я в первые же дни пошла на оперу. Мне удалось увидеть в Ковент-Гардене спектакль незабываемой силы — «Волшебную флейту» Моцарта...

«Ковент-Гарден», величайший театральный театр, мерцающий своей приглушенной роскошью, повторяет в большом масштабе те же обычаи и особенности, какие видишь в маленьких театриках...

Чтобы выныкнуть в тот кризис драматургии, о котором так часто читаешь в английской печати, и постарайся представить себе пути выхода из него, нужно раздвинуть пределы Лондона, раствориться во всей зеленой Англии, охватить всю ее — и крайний западный башмачок «юна страны» (Лэндс-энд), где на берегу океана под открытым небом расположился Майнакский театр...

Воспользуясь тем, что в Англии нет такой жесткой цензуры, как в СССР, можно было бы увидеть на таком примере. В «Пикадилли» много месяцев подряд с успехом шла комедия «русского лондонца» (из второго поколения эмиграции) Петра Устинова...

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Споры, дискуссии, творческие планы...

Говорят югославские писатели

Как уже сообщалось в печати, в Москве по приглашению Союза писателей СССР гостят югославские писатели Векослав Калеб, Бранко Чопич, Иван Потур, Миле Клопчич, Димитр Митрев...

«Национальное и общепланетное в литературе». Мы обсудим и ряд других вопросов — об атмосфере литературной жизни, о различных литературных течениях, о новаторстве...

«Национальное и общепланетное в литературе». Мы обсудим и ряд других вопросов — об атмосфере литературной жизни, о различных литературных течениях, о новаторстве...

«Национальное и общепланетное в литературе». Мы обсудим и ряд других вопросов — об атмосфере литературной жизни, о различных литературных течениях, о новаторстве...

«Национальное и общепланетное в литературе». Мы обсудим и ряд других вопросов — об атмосфере литературной жизни, о различных литературных течениях, о новаторстве...

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИЯ, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВСЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.